ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ПРОТИВНИКИ

© 2011 г. Орест Владимирович Мартышин¹

Краткая аннотация: социальное государство определяется как использование политической (государственной) власти для установления социальной справедливости. Консервативные круги капитала видят в социальных функциях государства подавление личной свободы и инициативы, путь к коммунистической или фашистской диктатуре. В современной российской юридической науке подобные идеи распространяются сторонниками так называемой либертарно-юридической теории права и государства.

Annotation: social state is defined as using of political (state) power with the aim to establish some kind of social justice. According to representatives of the conservative circles of capital social functions of the state lead to suppression of individual liberty and private initiative, to communist or fascist dictatorship. In modern russian legal literature these ideas are propagated by the adherents to so called libertarian theory of law and state.

Ключевые слова: социальное государство, социальная справедливость, равенство формальное и фактическое, либертаризм.

Key words: social state, social justice, formal (legal) and real equality, libertarianism.

Социальное государство можно определить как использование рычагов политической (государственной) власти для обеспечения справедливости в обществе. Оно предполагает государственное вмешательство в экономическую, общественную жизнь.

Социальные функции свойственны государству с глубокой древности, с той поры, когда еще не было дифференциации государственного, общественного и частного. В этом смысле древнее и средневековое государства были “тоталитарными”. Государству все было подвластно. Общее благо, которое рассматривалось как цель государства, оправдывало вторжение власти в любую сферу жизни. Государство медленно освобождалось от своей тоталитарности. Важную роль в этом процессе сыграло христианство, обособившее духовную власть от светской.

Однако социальные функции государства по-прежнему оставались широкими, хотя некоторые из них взяла на себя церковь. Абсолютная монархия, типичная для нового времени форма правления, не могла не способствовать стиранию границ между частным, общественным и государственным, хотя представления об их особенностях, о необходимости гарантий частных интересов уже зарождались. Характерно мнение Людовика XIV: “Вы должны прежде всего быть убеждены, что короли являются абсолютными властителями и естественно обладают правом полного и свободного распоряжения всем имуще-

ством, которое принадлежит как духовенству, так и мирянам, чтобы использовать его в любое время в качестве мудрых хозяев, то есть руководствуясь общими потребностями государства”². Абсолютизм брал на себя регулирование производства, выдавал и сохранял привилегии на экономическую деятельность, определял, кто, в какой отрасли и на каких условиях должен работать. Эти вопросы регламентировались обществом и прежде, но находились в ведении средневековых городов, гильдий, цехов. В XIV–XVI вв. они переходили к централизованному государству. Его опека, особенно активная в Англии – пионере промышленного производства, “доходила в европейских странах до крайних размеров”³, сочеталась с коррупцией и злоупотреблениями, стала обременительной и стеснительной для объектов регламентирования, превращалась в препятствие для экономического роста.

В таких условиях борьба за промышленную свободу стала частью борьбы за свободу вообще наряду со свободой религиозной, личной, политической. Она вошла в арсенал тех идеологических представлений, которые подготавливали преобразования общества на капиталистических началах. Идеи невмешательства государства в экономические процессы отстаивались физиократами, Адамом Смитом и другими классиками политической экономии, И. Кантом, Т. Пейном, В. Гумбольдтом и многими другими. Они стали веянием времени. Гегель видел в признании самостоятель-

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук.

² *Louis XIV. Oeuvres*. 1806. Vol. II. P. 121. Цит. по: *Еллинек*. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 639.

³ *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. СПб., 2005. С. 613.

* * *

ности субъективного момента главное отличие нового государства от древнего”. Отсюда и новое для его времени понимание гражданского общества как царства частных интересов и известной автономии от государства.

Борьба за промышленную свободу увенчалась успехом. В первой половине XIX в. в Западной Европе утвердился принцип экономического либерализма, получивший классическое выражение в формулах “laissez faire, laissez passer”, или “государство – ночной сторож” (в современном лексиконе – “минимальное государство”). Он предполагал невмешательство государства в социально-экономические отношения. Под знаменем экономического либерализма осуществлялась индустриальная революция, обеспечившая скачок в развитии производительных сил и заложившая материальную основу капиталистического общества. Под знаменем экономического либерализма нещадно эксплуатировался наемный труд, в том числе женщин и детей, рабочий день длился до 12–14 часов, размер заработной платы, условия труда не регламентировались. Социальные функции государства были сведены к минимуму. Бал правила свободная конкуренция.

Именно в это время как реакция на прелести экономического либерализма и свободной конкуренции формируется идея социального государства. Прежние социальные функции были следствием тоталитарности государства, недифференцированности общественной жизни. С XIX в. речь шла об их возрождении в условиях признания автономии личного (частного) и общественного. С конца века принципы социального государства внедряются в жизнь передовых стран.

Если прибегнуть к форме гегелевских триад, отношение государства к социальным функциям можно было бы изобразить так: древний, средневековый и абсолютистский “тоталитаризм” как тезис, система экономического либерализма как антитезис и социальное государство с конца XIX в. до наших дней как синтез. Тоталитаризм XX в. занимает в этой системе особое положение как возврат к абсолютизму на основе новых условий и новых технологий.

Ныне о социальном государстве можно сказать то, что Аристотель говорил о политике – лучшей, с его точки зрения, форме государства: трудно найти это явление в чистом виде. В то же время большинство современных государств в какой-то мере социальны. Неодинаковые представления о справедливости, масштабах, темпах и методах ее осуществления приводят к многообразию форм социального государства.

В нашей юридической литературе идею социального государства нередко приписывают конкретным лицам. К примеру, И.Л. Честнов называет авторами концепции государства благоденствия Д. Кейнса и У. Бевериджа⁴, М.А. Краснов считает “создателем концепции социального государства” Л. фон Штайна⁵. По-иному ставится вопрос в коллективной монографии “Права человека и правовое социальное государство в России”. Здесь социальное государство предстает не как продукт индивидуального творчества, а как закономерное следствие эпохи, когда экономический либерализм в своих классических и безобразных формах полностью себя разоблачил и исчерпал. Отсюда и широта подхода к “возникновению и развитию идеи социального государства”. И.А. Ледях, автор главы, носящей это название, рассматривает отдельных исследователей, в том числе Л. фон Штайна, за которым признается введение в научный оборот понятия “социальное государство”, в контексте европейских революций середины XIX в., политики европейских государств в первой половине XX в.⁶ Не случайно и сам Л. фон Штайн проявлял интерес к изучению социальных движений во Франции, начиная с 1789 г.

Именно широкие народные движения и так или иначе связанные с ними направления общественной мысли, а не труды отдельных исследователей породили идею и практику социального государства. Назовем важнейшие среди них.

Одним из последствий промышленной революции, утвердившей в Западной Европе капиталистические отношения в форме свободной конкуренции, стал всплеск идей утопического социализма. Начало XIX в. дало трех великих утопистов: Сен-Симона, Оуэна и Фурье, помышлявших о коренном преобразовании общества на началах науки и справедливости. Путь преобразования представлялся им по-разному. Оуэн и Фурье помышляли о создании группами энтузиастов коммунистических общин, которые силой примера, блестящими результатами своего труда увлекут и поведут за собой все общество.

⁴ См.: Честнов И.Л. Антропологическое измерение правового государства // Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы. Материалы Международной науч.-практ. конференции. СПб., 2009. С. 18.

⁵ См.: Краснов М.А. Солженицынская парадигма государственного строительства или Двадцать лет спустя // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 37.

⁶ См.: Права человека и правовое социальное государство в России / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2011. С. 87–136.

Сен-Симон связывал реорганизацию общества с деятельностью государственной власти. Он даже не отрицал частной собственности, что сделали после его смерти сен-симонисты. Но он ратовал за централизованное регулирование производства, за превращение его в единую фабрику, которой управляло бы государство в целях общего блага. В момент торжества экономического либерализма, частного интереса и разнузданного индивидуализма Сен-Симон бросает им вызов. “Эта первая и едва ли не самая оригинальная форма социализма смеется над “печальными божествами индивидуализма”, двумя “сущностями разума, сознанием и общественным мнением”, и призывает власть, которая должна распространяться на все и быть вездесуща”⁷, – комментирует позицию Сен-Симона П.Б. Струве. Но “вездесущность” власти – вовсе не самоцель для Сен-Симона, о чем свидетельствует, в частности, его позднее (1825 г.) сочинение “Новое христианство”. Программа, выдвинутая Сен-Симоном и подхваченная его последователями, сводилась, как отмечает П.Б. Струве, “к обмирщению христианства, к превращению его из религиозной метафизики в общественную мораль, к сближению и почти отождествлению его с социальной политикой”. Мирская задача христианства заключалась в “улучшении материального положения беднейшего класса”⁸.

Одним из первых критиков системы свободной конкуренции стала аристократия. Ее антикапиталистические выступления получили в “Манифесте Коммунистической партии” название “феодалного социализма”. Там же справедливо отмечена и подоплека этих выступлений – стремление вернуть утраченное политическое влияние, вызвать доверие трудящихся масс. Но аристократия не ограничивалась обличениями жадности нуворишей. В Великобритании именно консерваторы (тори) стали инициаторами первых фабричных законов, ограничивавших продолжительность рабочего дня. Не случайно Г. Спенсер называл государственное регулирование “новым торизмом”. Столь же не случайно активизация социальных мер государства в Пруссии и всей Германии ассоциируется с именем Бисмарка. Консерваторы видели в них противоядие от либерализма и социализма. Такое утилитарное использование социальных функций консервативными силами возможно и в настоящем, и в будущем. Лишь к концу XIX в., когда капитал вынужден

был смириться с расширением государственного регулирования экономической деятельности (что привело к появлению неолиберализма) во взглядах консерваторов произошел переворот, и они взяли на вооружение отвергавшиеся ими ранее принципы экономического либерализма. С той поры защита максимальной свободы частной собственности стала знаменем консервативных сил, что характерно для них и поныне. Политика М. Тетчер и Р. Рейгана служит наиболее ярким примером экономического либерализма консервативных кругов из сравнительно недавнего прошлого.

Наибольшее воздействие на концепции и практику социального государства оказало социалистическое и рабочее движение XIX–XX вв., причем обе его ветви, как революционная (в XX в. – коммунистическая), так и реформистская. Марксизм, коммунистическая идеология отводят государству (диктатуре пролетариата, разным формам революционно-демократической диктатуры) решающую роль в социально-экономических преобразованиях. “Реальный социализм” со всеми своими привлекательными и отталкивающими чертами, бесспорно, олицетворял социальное государство.

Но и реформистское социалистическое движение со своего зарождения в середине XIX в. до наших дней также неотделимо от идеала и попыток осуществления социального государства. Во Франции в 1839 г. Л. Блан публикует статью “Организация труда”, вызвавшую широкий общественный резонанс. Это была программа мирной социальной революции, осуществляемой сверху. Правительство, рассматриваемое как “высший регулятор производства, облеченный для выполнения своей задачи всей полнотой власти”, должно было предоставить пролетариату орудия труда путем создания общественных мастерских. Прибыль от них делилась на три части. Одна распределялась между работниками, другая шла на содержание нетрудоспособных граждан, а третья – на расширение производства. Со временем эти мастерские, финансируемые и контролируемые государством, должны были вытеснить капиталистические предприятия. Предполагалась также национализация железных дорог, шахт, французского банка. Для осуществления этих преобразований необходимо было добиться всеобщего избирательного права. Революция 1848 г. привела к падению монархии, провозглашению “демократической и социальной республики”. Однако созданные в Париже национальные мастерские не имели ничего общего с замыслами Л. Блана. “Всеобщая подача голосов” приве-

⁷ Струве П.Б. *Patriotica*: политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 311.

⁸ Там же. С. 429, 430.

ла к власти Луи Наполеона и вскоре была им отменена.

Идеи, сформулированные Л. Бланом, возникали в разных странах и условиях. Ими проникнута “Рабочая программа”, выдвинутая в начале 60-х годов XIX в. Ф. Лассалем в Германии. Принципиально близка к ним и платформа возникшего в Англии в 1884 г. фабианского общества. Взгляды фабианцев формировались под влиянием позднего утилитариста Дж. Ст. Милля. Он критиковал систему частной собственности и наемного труда, порождающую неравенство, зависимость рабочих от капиталистов и вражду между ними. Правда, при этом Милль подчеркивал, что на современном этапе следует стремиться не к “ниспровержению системы частной собственности”, а к “ее улучшению и предоставлению полного права каждому члену общества участвовать в ее выгодах”⁹. Милль относил себя к социалистам¹⁰ и полагал, что при условии компенсации “общество полностью правомочно аннулировать или изменить любое частное право собственности, которое по зрелом размышлении оно сочтет стоящим на пути общего блага”¹¹.

Фабианцы продолжили начатое Миллем движение от либерализма к социализму. Их коллективный манифест 1889 г. называется “Фабианские очерки социализма”. У фабианцев примерно та же программа, что у Л. Блана или Ф. Лассала: демократизация – в политической сфере, социализация собственности путем национализации и муниципализации, расширение государственного контроля – в социально-экономической. Планировались такие меры, как введение прогрессивного подоходного налога, оплачиваемых отпусков, законодательное установление минимальной заработной платы, продолжительности рабочего дня, создание доступных для народа систем образования и здравоохранения. При этом фабианцы неизменно подчеркивали, что преобразования будут проводиться постепенно, что контроль не равнозначен управлению, а социализация никогда не станет полной и тем самым сохранятся возможности для частной собственности и инициативы¹². В фабианском проекте государство выступает в качестве главного средства общественных преобразований. С. и Б. Веббы в начале

20-х годов говорили о “социалистическом государстве” в Великобритании.

Известно, что фабианское общество поставило не только идеи, но и руководящие кадры для лейбористской партии. В деятельности социал-демократических правительств стран Запада идеи социального государства получили реальное воплощение.

Наряду с идеей социального государства в социалистическом варианте, т.е. с обобществлением средств производства, в XIX в. возникает и другой ее вариант – с сохранением частной собственности. У истоков ее стоит О. Конт. Ни в коей мере не будучи социалистом, он воспринял от Сен-Симона отрицательное отношение к свободной конкуренции. Конт предпочитал говорить не о правах, а об обязанностях человека. И собственность для него – не право, а социальная функция. Она призвана служить общественному благу. Выдвинутая О. Контом идея солидарности классов была воспринята Э. Дюркгеймом, Л. Дюги, Л. Буржуа и многими другими социологами, юристами и философами конца XIX – начала XX вв., отвергающими революционные преобразования. Солидаристы, как и социал-реформисты, понимали, что, если не принять срочных мер для улучшения положения рабочего класса, у последнего останется только один выбор – насильственная революция. Идеи солидаризма были очень популярны в либеральных кругах и в России. Их придерживались в общих чертах В. Соловьев, Л. Петражицкий, П. Новгородцев, С. Гессен, Б. Кистяковский и др. Все они видели в солидарности альтернативу классовой борьбе и революции.

Э. Дюркгейм считал ненормальным, что “отношения капитала и труда остаются до сих пор в ... состоянии юридической неопределенности”. “Если разделение труда ... не производит солидарности, – писал он, – то потому, что отношения органов не регламентируются, потому что они находятся в состоянии аномии”¹³. По мнению Л. Дюги, государство “обязано употреблять власть, которой оно располагает, на служение социальной солидарности, следовательно, оно обязано самим правом издавать все те законы, которые обеспечат каждому материальную и моральную возможность содействовать социальной солидарности, например законы, обеспечивающие каждому бесплатный минимум обучения, обеспечивающие средства для существования всякому лицу, не способному добыть их своим трудом, и,

⁹ Милль Дж.С.. Основы политической экономии. Т. 1. М., 1980. С. 360, 361.

¹⁰ См.: Mill J. S. Collected works. Vol. 1. Toronto, 1963. P. 239.

¹¹ Ibid. Vol. 5. Toronto, 1967. P. 753.

¹² См.: Webb S., Webb B. A constitution for the Socialist Commonwealth for Great Britain. L., 1920. P. 146–149.

¹³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 341, 342.

наконец, законы, позволяющие всякому человеку, могущему и желающему работать, найти труд”¹⁴.

Особый тип “социального государства” представляют фашистские режимы. Не посягая на основные экономические интересы крупного капитала, они пользовались государственной властью как инструментом регулирования экономических отношений и социального маневрирования.

Во второй половине XX в. происходит сближение двух либерально-реформистских представлений о социальном государстве в связи с отходом социал-демократии от идей обобществления основных средств производства и обращением к более гибким методам регулирования и контроля.

С конца XIX в. любое государство становится в той или иной степени социальным, какова бы ни была политическая платформа правящих сил или партий. При большом разнообразии подходов всех сторонников социального государства объединяет отрицательное отношение к экономическому либерализму. Не случайно одна из работ Дж. Кейнса называется “Конец *laissez faire*” (1926). Однако ведущая роль в утверждении принципа социального государства принадлежит социалистическим и коммунистическим движениям и теориям. Близость слов “социальный” и “социалистический” закономерна так же, как и то, что решающим аргументом противников социального государства было и остается принципиальное отрицание идей социализма. В XIX в. в их пропаганде каждый шаг государственного регулирования в сфере производства, образования, здравоохранения, социального обеспечения подавался как введение социализма.

* * *

В теории и практике социального государства неразрывно переплелись две стороны: регулирование экономической жизни и предоставление гражданам определенных льгот и гарантий. Участие государства в управлении производством и обменом в немалой мере носит технический характер. Оно необходимо хотя бы потому, что эти процессы приобретают все в большей степени общественный характер и выходят за рамки возможностей частных субъектов. Государство создает условия для хозяйственной деятельности (инфраструктуру) и использует механизмы экономического регулирования, чтобы избежать спадов и кризисов. У экономистов, в частности у Кейнса, как правило, преобладает именно такой подход

¹⁴ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 675.

к проблеме. Но наиболее важной и характерной именно для социального государства представляется вторая сторона дела – улучшение положения трудящихся, обездоленных, создание для всех граждан минимальных условий благополучия и возможностей повышения своего общественного статуса. Связь между этими двумя сторонами очевидна. Без участия государства в регулировании социально-экономических процессов невозможно решить вторую проблему. Более того, одним из важнейших объектов такого регулирования становятся отношения труда и капитала, а от них-то и зависит в огромной мере положение наименее обеспеченных членов общества. Социальное государство немыслимо без определенной степени управления социально-экономической жизнью, но суть такого государства – в осуществлении так называемых прав человека второго поколения, т.е. социальных прав.

Коренное отличие социальных прав от прав человека первого поколения, ставших знаменем буржуазных революций, состоит в том, что они предполагают создание условий для их реализации. Права первого поколения обеспечиваются “негативными” мерами государства – отменой рабства, сословных привилегий и перегородок, цензуры. Важно устранение формально-юридических препятствий, т.е. юридического неравенства при их осуществлении. Право на труд, отдых, образование, медицинское обслуживание и социальное обеспечение требует созидательных усилий, создания условий для его осуществления. Иначе оно бессмысленно, так как его формальное содержание полностью поглощается правами первого поколения. Свобода в сочетании с равенством означает и равное право получать или не получать образование, трудиться и отдыхать, пользоваться услугами врачей и т.п. Только обеспечение возможности реального пользования правами второго поколения, а не их формальное провозглашение является признаком социального государства. Его главная цель и принцип – привести фактическое состояние в соответствие с формально провозглашенными правами.

* * *

На протяжении десятилетий аргументы как сторонников, так и противников социального государства мало изменились. Защитники социальных функций государства апеллировали к справедливости, гуманности, заботе об обездоленных, к долгу делиться с нуждающимися богатством, которое к тому же создается не только личным трудом. С середины XX в. у них появились и

юридические обоснования – Всеобщая декларация прав человека, международные пакты, конституции многих современных государств. Противники социального государства ссылаются на свободу предпринимательской деятельности как важный аспект свободы человека, на обременительность социальных функций для общества, снижение эффективности производства, на поощрение иждивенчества и отсутствия инициативы, на унижительность получения помощи от государства, недостаточность и невысокое качество предоставляемых им услуг и т.п.

Классическим образцом защиты системы экономического либерализма и отрицания социального государства в XIX в. стали взгляды Г. Спенсера – одного из основоположников социологии и ведущих представителей доминировавшего в общественно-политической жизни Англии либерализма. Правда, в стане либералов он принадлежал к консервативному крылу.

Спенсер отвергает главный мотив противников экономического либерализма – стремление к социальной справедливости, а вместе с ним и принцип утилитаризма – наибольшее благо наибольшего числа людей. Он объявляет благо миллионов, надежды на быстрое улучшение жизни нереальными и предлагает каждому человеку самому заботиться о себе.

Спенсер полагал, что в обществе, как и в природе, идет естественный биологический отбор, выживает наиболее приспособленный, общество постоянно отвергает своих больных, слабоумных, медлительных, нерешительных, ненадежных членов. Как и в природе, этот процесс жесток (Спенсер, правда, надеялся, что в ходе исторической эволюции он становится менее жестоким), но неизбежен, это естественный способ саморегулирования общества. Искусственное приостановление его губительно для общества, ведет к снижению его материального, морального и интеллектуального уровня.

Такие соображения приводят Спенсера к выводу, что экономический либерализм представляет собой идеальную форму, обеспечивающую естественное развитие общества. Этой теме посвящено первое значительное произведение Спенсера “Надлежащая сфера государственного управления” (1843). Он выступил против не только государственного регулирования торговли, но и вмешательства государства в сферы образования, просвещения, культурно-бытовых и социальных условий¹⁵.

По мнению Спенсера, любая организация экономической жизни от имени общества, т.е. социализм, приведет к росту бюрократии, расширению ее полномочий и принудительных функций государства. Бюрократия превратится в новую аристократию, живущую эксплуатацией масс.

России XIX в. также известны противники социального государства. Среди них Б.Н. Чичерин. По интересующему нас вопросу он близок к Г. Спенсеру, хотя в своей “Истории политических учений” и не обращается к этому автору.

Как гегельянец и государствовед, он осуждает индивидуалистические и односторонние теории XVIII в. (в частности, В. Гумбольдта), направленные на “возможно большее ограничение государственной деятельности”, сведение ее к охране права¹⁶. Чичерин наделяет государство функцией “попечения о благосостоянии граждан, материальном и духовном”, и отмечает, что тут “являются противоположные взгляды: одни хотят слишком малого, другие требуют слишком многого”¹⁷.

“Золотая середина”, предложенная Чичериным, состоит в следующем. Государство “не призвано быть всеобщим опекуном и благодетелем”, “не его дело доставлять людям работу и наделять собственностью”. “В свободном обществе благосостояние каждого класса зависит от собственной его деятельности”. “Разрешить рабочий вопрос государство не в силах ... Прежде всего здесь представляется вопрос об отношении рабочих к хозяевам. Общим правилом должно быть, что государство в частные сделки не вмешивается. Это область гражданских, а не государственных отношений”. Исключение делается для малолетних, поскольку они за себя постоять не могут. Оправданно законодательное ограничение их возраста, рабочего времени и родов работ. Применительно к женщинам подобные меры вызывают у Чичерина сомнения, так как в них “проявляется своего рода опека, которая идет наперекор современным требованиям равноправия женщин”¹⁸. Государство “не обязано доставлять гражданам средства существования... Когда в силу несчастного стечения обстоятельств человек не в состоянии пропитаться, он взывает о помощи. Тогда наступает призвание благотворительности, сначала частной, а за недостатком последней – общественной. Государство в видах человеколю-

¹⁵ См.: *Spencer H. The proper sphere of government. L., 1843. P. 5, 25.*

¹⁶ См.: *Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 586, 589–591.*

¹⁷ Там же. С. 605.

¹⁸ Там же. С. 616, 617.

бия не может не прийти на помощь страждущим гражданам. Но благотворительность не становится для них правом: она действует по мере сил и возможности¹⁹ и применяется только в крайних случаях (например, в случае голода)²⁰. «Государственная благотворительность в особенности никогда не должна забывать, что она свои средства получает не добровольно, а принудительно и что употребление их на пользу отдельных лиц может быть оправдано только крайними обстоятельствами, когда нужда вопиющая, а частные средства оказываются недостаточными. Расширение ее за эти пределы было бы узаконением правила, что частные лица могут жить на счет общества, то есть принудительно, на счет своих сограждан, а подобное правило совместно только с социализмом»²¹.

«Вторжение государства в область собственности и стеснение права хозяина распоряжаться своим имуществом, – пишет Б.Н. Чичерин, – всегда должно рассматриваться как зло, которое по возможности должно быть устранено». Отсюда вытекает и оправдание неравенства людей во имя свободы, которое роднит Б.Н. Чичерина со всеми противниками социального государства: «Итак, мы приходим к заключению, что если формальное равенство, или равенство перед законом, составляет требование свободы, то материальное равенство, или равенство состояний, противоречит свободе ... Свобода необходимо ведет к неравенству. Отсюда ясно, что уничтожить неравенство можно, только подавив самую свободу, из которой оно истекает, искоренив в человеке самостоятельный центр жизни и деятельности и превратив его в орудие общественной власти, которая, налагая на всех общую мерку, может, конечно, установить общее равенство, но равенство не свободы, а рабства»²². В подмене выравнивания определенных исходных условий как гарантии свободного развития граждан мифическим установлением полного фактического (материального) равенства между людьми Чичерин предвосхищает ложные аргументы противников социального государства XX– XXI вв., в том числе Ф. Хайека с его «Дорогой к рабству».

Классик экономического либерализма второй половины XX в. Ф. Хайек по существу мог мало что добавить к взглядам своих предшественников. Трудов Б.Н. Чичерина он, скорее всего, не знал. В сравнении с Г. Спенсером биологический

закон выживания наиболее приспособленного у Хайека отстаивается в завуалированной форме, через защиту свободы человека, важнейшим компонентом которой является свободная конкуренция. Свобода неизбежно ведет к неравенству. С замечанием Руссо о том, что общественное неравенство не соответствует или прямо противоречит естественному неравенству способностей людей, Хайек не согласен; что свободная конкуренция ведет к образованию монополий, он не замечает. Социальная справедливость для Хайека, как и для большинства консерваторов, – всего лишь «мираж». Он убежден, что «отдельные попытки достижения “социальной справедливости” ничего не дадут., что выражение не имеет смысла и что использовать его означает либо неразумие, либо шарлатанство»²³. Хайек ратует за спонтанную эволюцию с минимальным применением насилия. Государство не должно вмешиваться в производственную деятельность. Его миссия в экономической области должна ограничиваться созданием лучших условий для частного имущества. Цель государства – защита частной собственности и свободной конкуренции. В этом – основа и личной свободы, и демократии. Любое государственное регулирование ведет к тоталитаризму.

Опыт тоталитарных государств в социалистическом и фашистском вариантах послужил Хайеку дополнительным аргументом в пользу экономического либерализма. Ни Спенсер, ни Чичерин не знали этого опыта и руководствовались в своем отношении к социализму сугубо априорными соображениями. Хайек, как и они, обеспокоен тем, что социализм вытеснял из сознания большинства сторонников прогресса либерализм, и убежден, что социализм может быть только бюрократическим и насильственным, или, по Хайеку, тоталитарным. Для него признаком социализма является не общественная собственность на средства производства, а государственное регулирование социально-экономических отношений. Это дает Хайеку основание оценивать фашизм и национал-социализм как «вид буржуазного социализма»²⁴. Хайек относит к одному семейству не только коммунизм и фашизм, но и фабианский социализм, и концепцию «государства благоденствия». По его мнению, государство благоденствия приведет к социализму с его насильственными и произвольными методами. В этой связи он выдвигает тезис, любимый всеми современными апологетами сво-

¹⁹ Там же. С. 605.

²⁰ См.: там же. С. 620, 621.

²¹ Там же. С. 605, 606.

²² Там же. С. 256.

²³ Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М., 2006. С. 167.

²⁴ Хайек F.A. The road to serfdom. Chicago, 1944. P. 116.

бодной конкуренции: “Любая политика, прямо нацеленная на... распределительную справедливость, должна привести к уничтожению господства права”²⁵.

* * *

После распада советской власти идеи экономического либерализма пустили корни и в России. Их экономической базой была и остается реставрация капитализма. Вряд ли нужно доказывать, что полная свобода предпринимательства, сведение функций государства к охране частной собственности и созданию лучших условий для ее применения представляют собой естественное для бизнесмена мировоззрение, его мечту. Если он проникнется гуманными соображениями, заботой о ближнем, положим, на религиозной почве, благотворительность представится ему лучшим решением. То, что далеко не все состоятельные люди склонны к благотворительности и далеко не все нуждающиеся могут ею воспользоваться, его не смущает. К поддержке социальных функций бизнес способен подвигнуть только политические соображения – угроза стабильности, борьба за голоса избирателей и т.п. Вообще же социальные меры воспринимаются бизнесом как бремя, возложенное государством на лучшую, активнейшую часть общества для поддержки тунеядцев. Они влекут за собой не только снижение экономической эффективности, рост бюрократии, коррупции, использование принуждения, но и поощрение паразитизма, ослабление иммунитета граждан к социальным невзгодам, их способности к самостоятельной борьбе за существование. Все – как у Спенсера, Чичерина, Хайека. Переводы на русский язык и широкая пропаганда сочинений Хайека и его единомышленников, таких как Д. Боуз, З. Бауман, Бр. Леони, Р. Ноузик²⁶ и др., способствовали популяризации идей свободной конкуренции.

Конституция 1993 г. провозгласила Российскую Федерацию социальным государством (ст. 7). При этом использована формула, которая вполне может служить удачным определением сути этого явления: политика РФ “направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека”. Тем самым на законодательном уровне установлено, что социальное государство предполагает не формальное

провозглашение или признание социальных прав, а их действительное осуществление, требующее “создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие”. И все же несмотря на то, что Конституция (ст. 37–43) содержит полный набор прав человека в соответствии с общепризнанными международными декларациями и пактами, принципы социального государства не получили в ней развернутого и четкого воплощения.

В Конституции нет общих положений о методах осуществления социальных функций и о полномочиях государства в этой сфере. В ней ничего не говорится о планировании, государственном секторе, государственном регулировании социально-экономических отношений, о социальных функциях, обязанностях или ответственности собственников. Зато провозглашается гарантия “свободы экономической деятельности”, “равная защита” разных форм собственности (в их перечне частная собственность поименована первой – ст. 8), специально оговаривается допустимость частной собственности на землю и другие природные ресурсы (ст. 9, 36), запрещаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную ненависть и вражду (ст. 29). Эти положения и умолчания создают лазейку для экономического либерализма и ослабления социальных функций государства, для создания в рекордные сроки и под покровительством государства системы олигархической собственности, для разбазаривания национального богатства, лишения рядовых граждан возможности пользоваться не только полезными ископаемыми, но и лесами и водами. В конституциях ряда стран СНГ (ст. 6 Конституции Республики Казахстан, ст. 13 Конституции Республики Беларусь, ст. 14 Конституции Азербайджанской Республики) концепция социального государства и в этой связи проблема собственности на природные ресурсы разработаны по-другому²⁷.

С отрицанием идей социального государства связаны такие распространенные в научной литературе и публицистике тезисы, как “приоритет личных интересов над общественными”, “персоцентристская система”, выдаваемая за идеал и противопоставляемая “социоцентристской системе”, “минимальное государство”. В основе их всех – крайний индивидуализм, противопоставление личного и общественного, тогда как подлинное решение состоит не в “приоритетах”,

²⁵ Ibid. P. 79.

²⁶ См.: Боуз Д. Либертарианство. История. Принципы. Политика. Челябинск, 2004; Бауман З. Свобода. М., 2006; Леони Бр. Свобода и закон. М., 2008; Ноузик Р. Анархия, государство и утопия. М., 2008.

²⁷ Подробнее см.: Идеино-политические основы современной российской государственности // Гос. и право. 2006. № 10. С. 35, 36.

а в сочетании, в стремлении к гармонии, сосуществованию целого и части.

Среди юристов особую активность в отрицании социальных функций проявляют представители так называемой либертарно-юридической теории права и государства. Их аргументы не новы (что не следует воспринимать как упрек; защитники социального государства также не выдвигают новых теоретических обоснований, прибегая вместо них к наиболее ярким фактам социальной несправедливости и неравенства) и представляют интерес как заявление позиции со ссылками на определенные постулаты теоретико-правового характера.

В.А. Четвернин, убежденный сторонник “минимального государства”, исходит, как и Хайек, из несовместимости распределительной справедливости с господством права, прибегая к более сильным и категорическим суждениям: “Оно (понятие правовой государственности. – *О.М.*) исключает государственный интервенционизм, т.е. перераспределение в пользу отдельных групп, как разновидность агрессивного насилия (если распределение в гражданском обществе происходит по праву, то их государственное перераспределение будет противоправным, основанным лишь на силе) ... Таким образом, даже при западном социал-капитализме уже нет гражданского общества и правового государства. Все общество покрыто сетью перераспределительных публично-властных институтов. Поэтому в идеологии западного социализма смысл слов и понятия изменились до неузнаваемости. Государственный интервенционизм, вытеснение публично-правовых институтов публично-властным агрессивным насилием стали называть социально-правовым государством”²⁸.

Н.В. Варламова (другой известный пропагандист “либертарно-юридической теории”) также преследует цель “избежать произвольно-распределительных отношений”²⁹, под которыми понимается обеспечение социальных прав. Она солидаризируется с Г. Спенсером в том, что “отсутствие публичной системы бесплатных школ не наносит ущерба свободе любого ребенка получить образование и развивать свои способности, даже если его родители не способны оплачивать школьные расходы”³⁰. Тут же дается и объяснение этого па-

радоксального положения: ценность представляет именно формальная свобода как отсутствие правового запрета поступать определенным образом, а вовсе не реальная возможность такого поступка. “Привнесение в понимание свободы какого-либо реального (материального) содержания (в плане требования обеспечения фактической доступности избранных вариантов поведения), – пишет Н.В. Варламова, – превращает такую свободу в некий ресурс, отчужденный от самого человека. Человек оказывается неспособным к самостоятельной реализации своей свободы. Он нуждается для этого в содействии, в предоставлении необходимых ресурсов. Свобода, таким образом, становится ресурсом, подлежащим распределению, а человек – зависимым от властной инстанции, которая уже не защищает изначально присущую людям свободу и произвольно (например, в соответствии с Международными пактами о правах человека. – *О.М.*) наделяет их свободой в качестве своей милости, привилегии”³¹. Итак, ребенок, который не может учиться, потому что бесплатных школ нет, так же как денег на образование у его родителей, свободен, а если он ходит в бесплатную школу, он не свободен, он зависит от государства. Зависимость от бедности – гарантия свободы, зависимость от государственного образования – кабала. “Формальная свобода, – продолжает Н.В. Варламова, – обеспечивает людям разнообразие их социального положения, являющегося результатом их свободного (формально свободного) выбора (т.е. ребенок формально свободно решил родиться в семье бедняков, а не богачей, чтобы формально свободно не ходить в школу, ведь при наличии обязательного бесплатного образования его бы заставили туда ходить. – *О.М.*). Иного (не правового, не формального) способа бытия свободы не существует. Любые попытки обеспечения фактической свободы (фактической доступности желаемого, ресурсов, необходимых для его достижения) неизменно оборачиваются деспотизмом и “лишают его правового характера”³². Еще более четко отношение к социальному государству сформулировано Н.В. Варламовой в статье 2000 г., где говорится, что “права второго поколения таят в себе немалую угрозу свободе”, сдерживают социальную активность и экономическую предприимчивость наиболее успешных членов общества, приучают “аутсайдеров” к социальному иждивенчеству, ставят каждого человека во все большую зависимость от власти”³³.

²⁸ Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы. Материалы Международной науч.-теорет. конференции. С. 2.

²⁹ Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010. С. 71.

³⁰ Там же. С. 53.

³¹ Там же. С. 54.

³² Там же. С. 56, 79.

³³ Конституционное право // Восточноевропейское обозрение. 2000. № 1 (30). С. 144, 145.

В.В. Лапаева возражает против критики “либертарно-юридической теории” с привлечением текстов не только В.С. Нерсисянца, но и В.А. Четвернина, и других авторов. Между тем и В.А. Четвернин, и Н.В. Варламова полностью разделяют основные положения В.С. Нерсисянца, определение права, формальное понимание свободы и равенства и т.п. “Наш подход, – писал В.С. Нерсисянец, – является формально-юридическим в том смысле, что правовую форму отношений (и в целом право как форму отношений) мы последовательно отличаем (и “очищаем”) от всего неформального, от всего фактического, от всего фактически содержательного, от всякого фактического содержания, предлагаемого и определяемого правовой формой... формальное равенство ... и есть правовое начало”, а “все, что в общеобязательных нормах противоречит этому принципу, является неправовым и антиправовым”. Речь идет о “правовом уравнивании”, о “равной правоспособности”³⁴.

Принцип формального равенства так же наивно приписывать “либертарно-юридической теории”, как и определение права как свободы или меры свободы. Именно так понималось равенство в эпоху буржуазных революций, а с некоторыми поправками и позже – вплоть до возникновения идей социального равенства и социального государства. Мы видели, что так же, т.е. в формальном смысле, понимал равенство и его соотношение со свободой Б.Н. Чичерин – один из известнейших русских гегельянцев. Он и не подозревал, что предвосхищает “либертарно-юридическую теорию”. И он полагал, что фактическое равенство – это равенство в рабстве. В том же духе рассуждают Н.В. Варламова и В.А. Четвернин. Особые условия для нуждающихся, обездоленных представляются ему введением привилегий, влекущих пагубные последствия. Нельзя сказать, что это противоречит теории, объявившей неправовым и антиправовым все, что противоречит принципу формального равенства.

И все же отношение В.С. Нерсисянца, с одной стороны, В.А. Четвернина и Н.В. Варламовой – с другой, к социальному государству неодинаково. В.С. Нерсисянец нигде не осуждал права человека второго поколения как насаждение социального иждивенчества. Он прямо говорил о “буржуазной (буржуазно-правовой) ограниченности”³⁵ в развитии постсоветской государственности и юриспруденции и оценил ее как “отклонение от

вектора исторического прогресса”³⁶. «Под видом разгосударствления, – писал В.С. Нерсисянец, – социалистическая собственность была превращена в частную собственность государства и весьма узкого круга людей. В условиях развернувшейся борьбы за власть и собственность формирующееся государство предстало как государство новых собственников, отчужденное от общества»³⁷. Предложенный им выход из положения – план “цивилизма” состоял в наделении каждого гражданина равной долей во всей десоциализируемой собственности. Цивилизм, видимо, предполагал и государственное управление не разделенной на реальные доли “гражданской собственностью”, что очень далеко от милого сердцу В.А. Четвернина “минимального государства”. Таким образом, “цивилизм” представляет собой проект установления реальной (а не формальной только) справедливости при переходе от советского социалистического строя к иной стадии развития. Коренной порок цивилизма, обрешивший его на чисто литературное существование, – полное пренебрежение реальностями борьбы социальных и экономических интересов.

Неодинаковое отношение трех названных сторонников “либертарно-юридической теории” к социальному государству, скорее всего, обусловлено мотивами их научного творчества. Для В.А. Четвернина и Н.В. Варламовой отрицание фактического равенства и социального государства – политическое убеждение, “либертарная теория” выступает как удобная форма обоснования социально-политического выбора. Для В.С. Нерсисянца главным было стремление создать оригинальную теорию права, а отношение к формальному и фактическому равенству, социальному или минимальному государству – всего лишь побочный продукт, следствие этой теории.

Само название теории вполне могло возникнуть случайно. Термин “либертаризм” замелькал в англо-американской литературе во второй половине прошлого века и был замечен в России, хотя смысл его и отличие от “либерализма” не всем были понятны. Именно новизна и непонятность могли привлечь В.С. Нерсисянца, использовавшего его в качестве символа искусственной конструкции, составленной из ряда классических положений “философского подхода к праву” (Кант, Гегель),

³⁶ Нерсисянец В.С. Цивилизм. Юридическая энциклопедия. М., 2001. С. 1192.

³⁷ Нерсисянец В.С. Постсоветское общество, право и государство: проблемы и тенденции развития // В кн.: Государство и право на рубеже веков: проблемы истории и теории. М., 2001. С. 4.

³⁴ Нерсисянец В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 30, 31, 56.

³⁵ Там же. С. 186.

теорий естественного права и господствовавшего в СССР юридического позитивизма и получившей название “либертарно-юридической теории права и государства”³⁸.

В 90-х годах на Западе суть “либертаризма” вполне проявилась. По определению профессора Лондонского университета П. Селфа, либертаристы представляют собой “экстремистов от либерализма”³⁹. Английский историк Кв. Скиннер писал, что либертаризм, требуя очистить общественную жизнь от любых идей, кроме эгоистического интереса и прав личности, угрожает самим этим правам и свободам человека⁴⁰. Наглядным подтверждением верности этих суждений служит книга Д. Боуза “Либертарианство”⁴¹. Он называет капитализм свободной конкуренции “самой прогрессивной, динамичной и постоянно меняющейся системой из всех известных в мире”, а государства всеобщего благоденствия Европы, Северной и Южной Америки – слабеющими и обанкротившимися. Именно такое понимание либертаризма характерно для Н.В. Варламовой и В.А. Четвернина, тогда как у В.С. Нерсесянца оно пребывает в абстрактном и неразвернутом виде. Посему принадлежащее ему название теории и кажется случайным или условным.

В.В. Лапаева, еще один заметный представитель российского либертаризма, чьи выступления отмечены искренним гражданским пафосом, пытается примирить формальное равенство (знак качества либертарной теории) с правами человека

второго поколения. Она полагает, что формальное равенство – это “равенство, откорректированное с таким учетом социальных и биологических различий субъектов права, чтобы обеспечить для них равенство возможностей в использовании своих прав”⁴². Не вызывает доверия теория, доказывающая, что формальное равенство предполагает “равенство возможностей”, т.е. элементы фактического равенства, хотя нельзя не признать, что приведенное заявление вполне соответствует принципам гуманизма и неформальной справедливости, а значит, и социального государства. Но оно тотчас вызвало окрик со стороны ревнителей чистоты либертаристской веры. “Попытка нагрузить правовой принцип формального равенства не свойственной ему функцией обеспечения “равенства возможностей” также приводит к умеренному варианту распределительной системы”⁴³, – резонно заявляет Н.В. Варламова.

Отметим, что “либертарно-юридическая теория” В.С. Нерсесянца – В.В. Лапаевой существует исключительно в литературной форме, а классический либертаризм, как он представлен Н.В. Варламовой и В.А. Четверниным, – реальность общественно-политической жизни.

Следует признать, что социальные функции государства в России значительно сузились по сравнению с советской эпохой. Противники социального государства многого добились в сфере производства, финансов, торговли, образования, здравоохранения, культуры, трудовых отношений. Дальнейший рост неравенства представляет угрозу для стабильности общества. В этих условиях защита и развитие принципов социального государства на правовой основе приобретают особое значение.

³⁸ Отношение автора к этой теории подробнее изложено в ряде статей, в частности “О либертарно-юридической теории права и государства” // Гос. и право. 2002. № 10. С. 5–16; Классические типы понимания права и “новые теории права” // Право Украины. 2010. № 4. С. 92–99.

³⁹ *Self P. Socialism // Companion to Political Liberty // Liberty. Oxford, 1991. P. 204.*

⁴⁰ См.: *Skinner Q. The Paradoxes of Political Liberty // Ibid.*

⁴¹ *Боуз Д. Либертарианство. Челябинск, 2004. С. 29.*

⁴² *Лапаева В.В. Содержание формального принципа правового равенства // Права человека и современное государство – правовое развитие. М., 2007. С. 144.*

⁴³ *Варламова Н.В. Указ. соч. С. 72.*